

СМЕНА ЭПОХИ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЗАПАДОМ

Связь СССР, а затем России, с мировым рынком, в разворачивании процессов интернационализации и их влияние на баланс сил на протяжении десятилетий были путеводной нитью, проходящей через наш марксистский анализ динамики российского империализма.

В конце 1990-х годов во введении к книге “Кризис государственного капитализма” мы указали на закон интернационализации, обозначенный в статье Арриго Черветто от января 1960 года “От сталинской автаркии к единому мировому рынку”: *«Сталин попытался потеоретизировать о несуществующем расколе мирового рынка надвое: на практике речь шла не о расколе, а об определённом автаркическом закрытии в период так называемой “холодной войны”. [...] Когда процесс интеграции СССР в мировой империалистический рынок будет окончательно завершён, “советское” экономическое развитие воспользуется всеми преимуществами общности с традиционными империалистическими группами и получит возможность для усиления руководящего бюрократического класса, но ему также придётся испытать все противоречия, колебания, нарушения равновесия и кризисы мирового империалистического рынка»*¹.

Этот основополагающий тезис лежал в основе анализа империалистического развития российской власти на протяжении последующих тридцати лет, вплоть до краха 1989–1991 гг. Именно нефтегазовая промышленность, как мы отмечали во всё том же введении, с одной стороны, ускорила интернационализацию России, *«особенно в отношениях с немецким капиталом и крупными группами в сфере производства и энергетики»*, а с другой стороны, энергетическая рента финансировала *«гипертрофию военно-промышленного комплекса, задерживая его реструктуризацию и затягивая протекционистские меры»*.

Резкий рост доходов от продажи нефти после шока 1973 года и пуска сибирских газопроводов в 1970-е годы стали причиной “перенапряжения” СССР в мировом противостоянии; обвал цен в начале 1980-х годов выявил “глиняные ноги” этой комбинации групп и фракций, где энергетическая рента маскировала низкую производительность промышленной системы с перекосом в направлении тяжёлой промышленности. Однако именно эта связь между российским экспортом энергоносителей и немецким капиталом стала основой Ostpolitik Германии – отношений с Москвой, начатых Вилли Брандтом и продолженных Гельмутом Шмидтом и всеми последующими канцлерами.

Закон интернационализации СССР сопровождал его империалистическое взросление, санкционированное второй мировой войной. Ища у Ленина теоретический инструмент для понимания *«диалектики исторических эпох»*, в которой вызревали атлантический упадок и азиатский подъём, Черветто в мае 1988 года остановился на другом эпохальном отрезке – начале капиталистического развития в царской России и первой попытке буржуазной революции в 1905 году. Ленин отмечал диалектику “русских” условий и особенностей, наследие феодализма, которое должно было быть преодолено новым способом производства. *«Эпоха буржуазной революции, – писал он в статье от 26 ноября 1905 года, – отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества»: «Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто капиталистические противоречия ещё в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями “культуры” и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьёт капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии»*².

Заметим, что наступление буржуазной революции было для Ленина утверждением *«европеизма»*; современность капиталистического развития в условиях, определённых на Западе, должна была преодолеть отсталость “русской” специфики и историческое наследие *«азиатчины»*. Заметим, однако, что идеологические материалы этого исторического противостояния, не будучи сметёнными, продолжали кочевать на протяжении всего XX века и далее, трансформируясь в своём объективном содержании, но по-разному усваивались и использовались фракциями, движимыми империалистическим развитием. *Великорусский миф*

был функционален для сталинской автаркии и планов форсированной индустриализации. В период обострения кризиса 1989–1991 годов *европеизм*, *евразийство* как специфически русская идентичность, *азиатчина* вновь стали оружием политической и идеологической борьбы. Национализм в Киеве, а тем более во Львове, видел себя интерпретатором европейской связи и обличал авторитарное наследие *татарщины* Москвы; идеологические формулы, наклеивающие на несовершенный плюрализм российской “суверенной демократии” ярлык “автократии”, имеют здесь свои корни.

Неудивительно, что в условиях кризиса, вызванного украинской войной, вновь всплывают фрагменты этих теорий и идеологий, поскольку они являются частью традиции и *морального фактора* российской истории. Однако это отражает важнейшее изменение, подтверждающее *смену эпох*: капиталистическое развитие в Азии дошло до того, что Китай стал империалистической державой континентального масштаба, способной претендовать на пересмотр мирового порядка. Азартная игра Владимира Путина зародилась именно здесь, и именно здесь будет причина его стратегического поражения.

(продолжение на стр. 2)

Июль – август 2023 г.

¹ – Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 1. С. 546–547 (*перевод исправлен*).

² - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 12. С. 134.